

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации Штефана Липке
«Антропология художественной прозы А. П. Чехова: неизреченность человека и
архитектоника произведения»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Тема, выбранная Ш. Липке для диссертационного исследования, отличается актуальностью и фундаментальностью. Художественная литература во всех своих проявлениях есть определенное высказывание о человеке, и потому у каждого автора должна быть своя особая (хотя и меняющаяся в ходе творческой эволюции) концепция человека как субъекта гносеологии, этики и эстетики, как биологического существа, как носителя социальных ролей и т. п. Особый интерес представляет решение этого вопроса по отношению к творчеству Чехова. Во-первых, из-за огромного разнообразия героев (чеховеды насчитывают в прозе и драматургии писателя более 8000 персонажей, представляющих все возрасты, социальные статусы, уровни образования и т. д.), а во-вторых, из-за отмечавшегося уже прижизненной критикой стремления Чехова к индивидуализации каждого из них. Чеховское представление о человеке и принципы его изображения явно не вписываются в общие схемы реализма и позитивизма, в господствовавшие в его время социологические, биологические и литературные концепции, равно как и в пришедшие им на смену теории XX века. Можно сказать, что природа изображенного человека у Чехова и есть ядро так называемой «чеховской загадки», которую критика и литературоведение решают уже более ста лет.

Разумеется, решить такую задачу в общем виде – подробно проанализировать каждый из сотен чеховских текстов – невозможно, и потому диссертант выбирает наиболее разумный путь аппроксимации: взяв в качестве объектов изучения несколько ключевых прозаических текстов, принадлежащих к каждому из основных периодов творчества писателя, он изучает их одними и теми же методами (можно даже сказать, по одной схеме), получая отчасти сходные результаты. Суммирование этих результатов позволяет прочертить пунктирную линию эволюции чеховского представления о человеке, которая затем может быть скорректирована дальнейшими исследованиями.

Ш. Липке доказывает, что человек у Чехова отличается «неизреченностью», то есть не может быть понят до конца, «в нем всегда есть то, что превосходит любые определения» (с. 6 диссертации); он есть «существо, не подчиняющееся генерализации» (с. 8), целостная, свободная, непредсказуемая и неповторимая индивидуальность (там же). Сразу надо заметить, что эта свободная личность, по Ш. Липке, представляет, скорее, чеховский идеал, чем предмет изображения, а конкретные персонажи выступают по большей части как отрицаемые автором негативные проекции этого идеала (впрочем, в той или иной степени способные к выходу за свои пределы).

В конкретном анализе произведений заметно определенное влияние формализма и структурализма: диссертант представляет художественный текст как многоуровневую структуру, в которой все уровни связаны друг с другом («дополняют друг друга и нуждаются друг в друге» – с. 35). Однако при этом анализируемые автором уровни нетрадиционны, они отличаются, скажем, от тех, которые выделял у Чехова А. П. Чудаков в своих двух книгах о поэтике Чехова. Основными уровнями оказываются следующие: «фабула, высказывание героя, атмосфера произведения, место человека в пространстве, интертекстуальные связи произведения» (с. 16). К ним прибавляются также моменты «смеха и плача» в текстах Чехова, в которых диссертант, вслед за Хельмутом Плесснером, видит некие прорывы человеческой телесности сквозь социальные конвенции. Почти в каждом рассказе демонстрируется бахтинское «карнавальное преодоление иерархических

границ» (с. 52). Почти неизменным атрибутом анализа оказывается сопоставление чеховских героев и сюжетов с библейскими образами и событиями. По этим параметрам изучаются 16 рассказов и повестей Чехова, от «Смерти чиновника» до «Архиерея». Многоуровневость рассказов, с точки зрения Ш. Липке, «соответствует многогранности и неизреченности человека» (с. 57).

Концепция человека у раннего Чехова, как показывает автор диссертации, сводится к сатирическому изображению совпадающего со своей социальной ролью персонажа, а смех, как у Гоголя, выступает в качестве позитивного начала. Эволюция Чехова проявляется в том, что в ряде рассказов герои преодолевают свои социально-ролевые ипостаси. Очень интересным представляются наблюдения диссертанта над тем, как работает у Чехова пространственная оппозиция «сужение – расширение». Сделанные изначально на материале рассказа «Толстый и тонкий» (с. 40), эти наблюдения продолжаются в анализе всех текстов и представляют собой новое слово в изучении поэтики Чехова. Собранные вместе, они вполне могли бы стать предметом отдельной статьи.

Рассказы 1887–1889 годов диссертант называет «полемическими», так как в них исследуются конфликтные ситуации и идет речь о борьбе и ненависти (с. 61). В тонком анализе рассказа «Враги» Ш. Липке обоснованно доказывает, что в этом социальном тексте Чехов протестует против использования человека как средства, а не цели, но в то же время показывает неуместность недостойной человека агрессивной реакции Кириллова (с. 67, 73). Одним из самых удачных в диссертации представляется новаторский анализ рассказа «Княгиня», который редко попадает в поле зрения исследователей. Диссертанту удается показать сходство центральных героев-антагонистов, причины провала их коммуникации, признаки авторской верификации высказываний героя, абсурдность ситуации и мн. др. Как и в других случаях, убедительно демонстрируется символика «сужения» и «расширения» (с. 83–84).

Говоря о творчестве Чехова 1890-х годов, Ш. Липке обращается к самым знаменитым из чеховских повестей – «Дуэли», «Палате № 6» и «Черному монаху», причем временами ему удается высказать нечто существенно новое об этих многократно интерпретированных произведениях. В соответствии с общей концепцией диссертации, повесть «Дуэль» оказывается важна тем, что в ней герой «впервые в прозе Чехова... изменяет свой образ мышления» (с. 94); за четко очерченными типами скрываются нереализованные потенциальные возможности, и смысл повести состоит в том, что «человека нельзя обсудить и тем более осудить... личность каждого человека нельзя понять до конца» (с. 98). Новыми и интересными оказываются интерпретации многих отдельных деталей повести, отдельные «библейские» прочтения (в частности, мотив виноградника – с. 111). В анализе «Палаты № 6» обращает на себя внимание редко возникающий в чеховедении акцент на связи между «телесной, душевной и духовной сферами» (с. 115). Совершенно новыми оказываются мысли диссертанта о том, что идеология «настоящих стойков» присуща не Рагину, а Громову (с. 118), отмеченные параллели между жизненными путями двух центральных героев (с. 119) и следующие из этого антропологические выводы. Диссертанту удается объяснить необычность способа повествования в повести, где, как известно, возникают нехарактерные для Чехова прямые оценивающие высказывания рассказчика (с. 119–120) и обращения к читателю (с. 127). Новы и убедительны наблюдения над грамматикой языка повести (с. 123) и ее хронотопом. Несомненной удачей Ш. Липке является и анализ повести «Черный монах», доказывающий, что Чехов рассказывает в ней сразу несколько разножанровых историй. В интерпретации пересекаются несколько выделенных ранее смысловых линий чеховского творчества (внимание к физическому и духовному, использование другого человека как средства для достижения своих целей и др.). В целом первые три главы последовательно

показывают усложнение авторской позиции Чехова при сохранении общей доминанты – стремления избежать окончательной оценки человека.

В четвертой главе автор обращается к социально ориентированным повестям и рассказам Чехова («Мужики», «Человек в футляре», «Случай из практики», «Душечка») и демонстрирует, что в героях этих произведений идет борьба противонаправленных – духовных и телесных – сил. Весьма интересными представляются, в частности, соображения диссертанта о пространственных характеристиках рассказа «Человек в футляре» (с. 189–192), вплоть до никогда не звучавших в чеховедении объяснений фамилии «Чимша-Гималайский» и названия села «Мироносицкое». В истолковании рассказа «Случай из практики» несомненно новым представляется тезис о том, что доктор Королев оказывается способен преодолевать свои предрассудки и «учиться новому» (с. 197). Очень любопытно стилистическое наблюдение над чеховскими «триадами» – тройственным нагнетанием однородных членов предложения (с. 199). Рассказ «Душечка» несколько неожиданно рассматривается как рассказ о «положении женщин» (с. 209), однако наблюдения и выводы исследователя выходят за рамки узкосоциологической трактовки и содержат много нарратологических, семиотических и психологических тезисов, не звучавших ранее в работах о Чехове (см., например, замечания о «сезонной» любви героини на с. 218).

Наконец, в последней, пятой главе диссертант обращается к поздним произведениям Чехова, объединенным темой ухода. Скрупулезный анализ «Дамы с собачкой», «В овраге» и «Архиерея» позволяет автору открыть много важных для понимания этих произведений смыслов. Ограниченный объем отзыва не позволяет перечислить все находки диссертанта. Отметим только самые яркие из них: сопоставление выражения Гурова «низшая раса» с политикой колониализма (с. 230), интерпретация эволюции Гурова как развенчания карнавального короля (с. 236–237), сопоставление «Дамы с собачкой» с «Вешними водами» Тургенева (с. 244), замечания об экологии села Уклеево (с. 255), связь образа Аксиньи с библейским змеем (с. 257), подробная критика благотворительности Варвары из повести «В овраге» (с. 257–258), сближение тематики рассказа «Архиерей» со «Смертью чиновника» (с. 270–271). Чрезвычайно важно и обобщение, касающееся всего позднего творчества Чехова: «Между собой произведения различаются тем, куда человеку можно уйти из положения, связанного с его социальной ролью» (с. 278).

Приведенные в «Заключении» выводы еще раз суммируют промежуточные итоги каждой главы и предлагают описание чеховского идеала человека (с. 280).

Список использованной литературы насчитывает 213 позиций, из них 58 на иностранных языках.

По теме диссертации опубликовано 11 статей, из них три – в журналах, рекомендуемых ВАК. Автореферат объемом 23 страницы полностью отражает содержание диссертации.

Все вышесказанное подтверждает, что Ш. Липке проделал огромную работу (следует особо отметить, что трехсотстраничная диссертация написана на иностранном для автора языке), в ходе которой решил весьма важную как для чеховедения, так и для истории русской литературы в целом задачу: дал образец целостного описания художественной антропологии одного из самых сложных для анализа классиков русской и мировой литературы. Данный труд имеет также и теоретическую значимость, так как может послужить образцом для аналогичных исследований творчества других писателей. Исследовательский стиль автора отличает последовательность, научная честность, скрупулезность и дотошность, что не мешает тонкости наблюдений и неожиданности выводов.

Достоинства работы намного превышают ее недостатки, однако долг рецензента состоит в том, чтобы высказать и замечания.

Во-первых, вызывает некоторые сомнения уместность ключевого для диссертации термина «неизреченность». Этот термин вводится на стр. 6 как русский перевод латинского (sic!) перевода выражения Аристотеля (или неких его последователей? – это не совсем понятно по тексту): «“Individuum est ineffabile” (“индивид не изречен”)). Однако странно, что солидный российский «Философский энциклопедический словарь» переводит это выражение совсем иначе: «Неделимое есть невыразимое» и определяет как «схоластический тезис» без ссылки на Аристотеля¹. Правда, Ш. Липке дает там же ссылку на русское издание: *Аристотель. Сочинения. Т. 1. М., 1975. С. 348–349.* По всей видимости имеется в виду собрание сочинений Аристотеля в 4 томах, первый том которого вышел в 1976 году. На страницах 348 и 349 напечатанной там «Метафизики» нам не удалось обнаружить ничего похожего на фразу «человек неизречен» (заметим, что это далеко не единственный пример нестроного цитирования в диссертации). Поиск по тексту «Метафизики» показывает, что слов с корнем «неизречен-» в ее русском переводе нет. Словарь Ушакова дает следующее толкование: «Неизреченный (*книжн., поэт., устар.*) Необыкновенный, чрезвычайный, непередаваемый словами». Понятно, что это не совсем то же самое, что «превосходящий любые определения» (с. 6). Сходные значения можно найти в словарях Ожегова и Ефремовой. В этих же значениях слово встречается в русских переводах Библии (см. Второе послание к Коринфянам и др.) и в православной литературе. Слово это, по всей видимости, должно произноситься с «е» (а не «ё») в суффиксе, что создает, по правилам стилистики, дополнительные коннотации: оно опознается как высокий славянизм. Таким образом, предлагаемый автором термин имеет неясное происхождение, может ввести читателя в заблуждение, так как не совпадает с общепринятым значением и неизбежно вызывает ненужные в данном случае ассоциации, размывающие его терминологичность. На наш взгляд, достаточно было использовать слова «неисчерпаемый», «неисчерпаемость». По всей видимости, эта стилистическая неточность обусловлена тем, что русский язык для диссертанта не родной. Однако это не извиняет неаккуратности при цитировании и оформлении ссылок.

Во-вторых, нужно отметить, что автор не всегда соотносит свой анализ чеховских текстов с работами предшественников. Как было сказано выше, многие наблюдения Ш. Липке свежи и оригинальны. Однако так можно сказать далеко не обо всех трактовках, что неудивительно, если учесть, что интерпретации хрестоматийных текстов, к которым обращается диссертант, накапливались в течение более ста лет. Автор постоянно цитирует одни и те же труды: монографии З. С. Паперного, Д. Рейфилда, В. Б. Катаева, М. Фрайзе, А. П. Чудакова, но при этом редко обращается к специальным статьям и главам монографий других ученых, посвященных анализируемым рассказам. Так, едва ли можно сказать что-то новое о рассказе «Архиерей», игнорируя статьи И. Л. Альми, Р. Б. Ахметшина, Ю. В. Доманского, Н. И. Ищук-Фадеевой, Н. В. Капустина, А. В. Кубасова, А. П. Кузичевой, Н. А. Некипеловой, М. Рев, К. Смолы, Г. А. Шалюгина, А. В. Щербенка, а также посвященные в основном этому рассказу монографии Н. О. Нильсона и В. И. Тюпы. И речь здесь идет не о формальном знакомстве с работами предшественников, а о прямых совпадениях или несовпадениях интерпретаций. Так, анализируя этот рассказ в плане мифопоэтики – проецируя последнюю неделю жизни архиерея Петра на евангельские события Страстной недели, начиная со входа Христа в Иерусалим (с. 275 и далее), – автор, судя по отсутствию ссылок, просто не знает, что до него это проделывалось многократно другими исследователями. То же можно сказать о некоторых других фрагментах диссертации. К сожалению, в списке научной литературы отсутствуют работы таких классиков чеховедения, как С. Д. Балухатый, А. Б. Дерман, Р. Л. Джексон, Н. А. Кожевникова, А. П. Скафтымов, Е. Д. Толстая, Л. М. Цилевич. У каждого из них найдутся работы, имеющие прямое отношение к общей теме данной диссертации и к анализу отдельных текстов. Особенно жаль, что в списке отсутствует монография И. А.

¹ http://enc-dic.com/enc_philosophy/Individuum-est-ineffabile-4515.html (дата обращения 12.05.2017).

Гурвича, прямо посвященная теме «человек и действительность у Чехова», и две книги Г. А. Бялого, чья главная идея «ненормальности нормального» у Чехова весьма близка к идеям Ш. Липке, хотя и сформулирована в других терминах.

Наконец, *в-третьих*, можно отметить отдельные опечатки, неудачные выражения и неточности: «Фикильдеевы» (с. 158, 161, 169, 174) вместо «Чикильдеевы»; никак нельзя сказать по-русски «перепутатель» (с. 204) или выразиться так: «Частью атмосферы, окружающей архиерея, является иеромонах Сисой». Повесть «Огни» не могла быть «ответом на повесть “Крейцера соната” Л. Н. Толстого» (с. 242), так как «Огни» опубликованы раньше. Однако подобные недостатки встречаются очень редко.

Данные замечания не снижают общего положительного впечатления от диссертации, не дезавуируют сделанные в ней наблюдения и никак не влияют на ее исходные положения и конечные выводы, отличающиеся обоснованностью, достоверностью и новизной. Диссертация обладает не только теоретической, но и практической значимостью и может быть использована в университетских курсах по теории и истории литературы, а также в спецкурсах, посвященных творчеству Чехова.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Антропология художественной прозы А. П. Чехова: неизреченность человека и архитектоника произведения» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение научной задачи экспликации художественной антропологии прозы А. П. Чехова, имеющей важное значение для развития филологии в определенной области знаний – истории русской литературы, и соответствует требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней». Автор диссертации, Штефан Липке, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Доктор филологических наук (специальность 10.01.01 – Русская литература),
доцент, профессор кафедры истории русской литературы
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

 Андрей Дмитриевич Степанов

Контактные данные:

Адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9

Тел: +7 (812) 328-20-00;

e-mail: spbu@spbu.ru;

веб-сайт: <http://spbu.ru/>

ПОДПИСЬ РУКИ

УДОСТОВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ Г У О Р П

Хомутская Л. П.
18 мая 2017

